

РЕЦЕНЗИЯ

ТИМЧЕНКО Л. Д.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международного права
(Национальный университет
государственной налоговой
службы Украины)

ЧЕЛОВЕК – СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА? ЕСТЕСТВЕННО!

*Человеку по-настоящему интересен только человек.
Б. Паскаль*

В начале 21 в. появился определенный скепсис в отношении международного права и его эффективности. Также можно слышать сентенции о том, что наука международного права переживает кризис (А. А. Мережко, В. Н. Денисов и др.). Однако об этом же на переломе 19 и 20 вв. писал Л. И. Петражицкий. А. Тойнби указывал, что международные отношения и их регулятивная составляющая находились в кризисном состоянии в начале 20 в. [1]. В период карибского кризиса (1962 г.) было немало критических стрел выпущено по действенности международного права [2, с. 2]. Исходя из сказанного, складывается впечатление, что кризис – это перманентное состояние дел на международной арене. Толковый словарь В. Даля дает такое определение понятия: «Кризис – перелом, переворот, решительная пора переходного состояния» [3]. Отсюда следует, что кризис как явление объективной действительности – нечто краткосрочное, не продолжительное или постоянное. Поэтому то, что ряд исследователей называет кризисом международного права и его науки, скорее является нормальным вектором развития указанных систем, в основе формирования которых лежит противоречие, тем более что международные отношения становятся все более сложными и многоаспектными. Что касается науки международного права, в частности ее украинского сегмента, то можно утверждать, что за последние десять лет появились интересные монографические исследования В. И. Акуленко [4], О. В. Буткевич [5], А. Я. Мельника [6], С. А. Мельник [7], А. А. Мережко [8], М. И. Отроша [9], Ю. В. Шекина [10] и др. В 2014 г. вышла в свет монография О. В. Тарасова «Субъект международного права: проблемы современной теории» [11], которая имеет ярко выраженный инновационный характер в развитии теории международного права. Иными словами, в украинской науке идет нормальный процесс анализа сложных международно-правовых явлений. Авторы предлагают свою точку зрения по решению актуальных международных проблем, и если эти точки зрения имеют солидную аргументацию, прочную научную основу, то вероятность развязывания тугих узлов международных отношений будет значительно выше.

Возвращаясь к монографии О. В. Тарасова, хотелось бы более подробно остановиться на анализе некоторых ее положений. Автор справедливо утверждает, что проблемы субъекта международного права являются чрезвычайно важными в контексте выживания человечества в условиях глобализации. Вместе с тем теория международной правосубъектности имеет немало белых пятен. Проведя сравнительно-правовое исследование состояния науки теории права на национальном уровне, О. В. Тарасов пришел к выводу, что не существует общей концепции субъекта права на уровне мировой юридической науки. Поэтому часто пробелы в юридической науке заполняются терминологией и постулатами иных социогуманитарных отраслей знаний (социологии, политологии, экономики, психологии), что снижает уровень правовых научных исследований. Нельзя не согласиться

с О. В. Тарасовым, что юридической науки в целом присущ нормоцентризм, то есть большая часть научных исследований в области права посвящена изучению юридических норм (их созданию, функционированию и прекращению действия). При этом юридической персонологии уделяется значительно меньше внимания, несмотря на то, что именно субъекты права создают и реализуют юридические нормы. В монографии автор обосновывает идею о необходимости введения в научный дискурс новой дисциплины – правовой персонологии. Данная идея представляется весьма интересной и плодотворной.

О. В. Тарасов впервые в рамках юридической науки сделал попытку применить персонологическую методологию к таким феноменам, как правовая форма, правовая система, юридический факт, представительство, а также под персонологическим углом зрения рассмотреть категории правоспособность, дееспособность, деликтоспособность, персонификация, персонализация. Главный же вывод данного монографического исследования такой: физические лица являются субъектами международного права; существование всех иных субъектов международного права невозможно, если человек будет исключен из международно-правовой реальности. Идея, безусловно, не новая, но, пожалуй, впервые она получила такое солидное теоретико-правовое обоснование в монографии О. В. Тарасова.

В начале своего исследования автор анализирует эволюцию понятия «субъект международного права». О. В. Тарасов справедливо отмечает, что проблема появления субъектов международного права является одной из самых дискуссионных в юридической науке. Эта проблема непосредственно связана с иной сложной проблемой – появлением права в целом. Автор отмечает важную роль мифов в процессе обоснования международной правосубъектности в догосударственный период развития человеческой цивилизации. Представляется верным вывод О. В. Тарасова о том, что институт международной правосубъектности зародился в догосударственную эру [11, с. 20].

Исследуя античную мысль Древней Греции, О. В. Тарасов обращает внимание на то, что Аристотель отказывал в международной правосубъектности всем иным народам, кроме эллинов. При этом в греческой цивилизации каждый полис был субъектом международного права. Естественно, автор не обошел стороной право народов (*jus gentium*) Древнего Рима. О. В. Тарасов пишет: «Субъектами этого права являются как народы, так и некоторые свободные лица. Объектом *jus gentium*, соответственно, были международные публичные и международные частные отношения» [11, с. 35].

Также автор анализирует положения Ветхого и Нового Заветов в контексте исследуемой проблемы. Он верно отмечает, что принцип универсализма в полной мере раскрывается в Новом Завете. Далее О. В. Тарасов указывает, что идея свободной личности обосновывается в этом религиозном источнике божественным происхождением человечества. В Средние века данная идея легла в основу теологической доктрины божественной правосубъектности человека. Это стало краеугольным камнем формирования европейской цивилизации.

В монографии отмечается, что в Средние века идея субъекта международного права эволюционировала от концепции всемирной теократической монархии к признанию суверенитета отдельно взятого государства. О. В. Тарасов пишет, что именно тогда была разработана концепция народного суверенитета, государственной территории, размежевания сфер церковной и светской власти [11, с. 43].

Автор отмечает, что в классический период развития международного права отец-основатель науки международного права Г. Гроций (1583–1645 гг.) считал, что эта система юридических норм регулировала отношения правителей, народов и отдельных граждан, а не государств как международно-правовых лиц.

Представляется интересным анализ О. В. Тарасовым дореволюционной российской и мировой литературы межвоенного периода по проблеме международной правосубъектности. Уже в этот период можно наблюдать тенденцию признания прямого

действия норм неимплементированного международного договора в отношении физических лиц (консультативное заключение Постоянной Палаты Международного Правосудия о юрисдикции судов Данцига, 1928 г.). Значительное внимание уделяет автор также исследованию мировой юридической литературы второй половины 20 в. и начала 21 в. о субъектах международного права.

Во второй главе монографии О. В. Тарасов анализирует становление новой научной дисциплины – правовой персонологии. В основу анализа положены эволюция и сущность таких категорий, как лицо (*persona*) и личность (*personality*). В монографии говорится о том, что следует дифференцировать личность и ее внешнее проявление в форме лица (персоны). Одна личность проявляется (ипостазирована) во множестве лиц (персон). В разных правоотношениях одна и та же правовая личность может иметь большее число правовых форм. При этом автор делает интересный вывод, что правовая личность человека не является производной от правовой личности иных субъектов права – государства, общины, племени, церкви и др. Наоборот, правовая личность человека первична и служит основой для правосубъектности всех без исключения коллективных образований [11, с. 105–106]. Вместе с тем без правового лица (внешней формы) правовая личность существовать не может.

О. В. Тарасов утверждает, что предметом правовой персонологии выступает правовая личность как специфический феномен правовой реальности, данный феномен не совпадает с правовой нормой и правовой коммуникацией. Особенностью метода правовой персонологии выступает то обстоятельство, что в его основе лежит формирование особого понятийно-категориального аппарата, способного адекватно отразить персонативную правовую реальность [11, с. 113–115]. Автор заслуженно критикует нормоцентристский уклон юридических исследований и использование при изучении проблем правосубъектности терминологии и методологии иных социогуманитарных дисциплин.

О. В. Тарасов выделяет три основных направления правовой персонологии: правовая антропология, правовая корпоратология и правовая кратология. Первое направление ориентировано на исследование правовой личности человека, которая выступает вовне в персонативной правовой форме физического лица. В рамках второго направления проводятся исследования проблемы правовой личности организованных коллективов, выступающих в правовой реальности в форме юридического лица. Правовая кратология (от греческого *кратос* – сила, власть, правление) изучает правовую личность суверенных (властных) политико-территориальных образований (государств, протогосударств, государственноподобных образований), которые выступают в рамках правовой системы в форме особого правового лица. При этом автор идентифицирует правовое лицо государства и иных суверенных субъектов как суверенное правовое лицо [11, с. 117–123].

Следует обратить внимание на то, что О. В. Тарасов дает оригинальную трактовку соотношения понятий «национальное право» и «внутригосударственное право». Он отмечает, что государство как суверенное правовое лицо не поглощает национальную правовую систему, а, наоборот, пребывает в рамках последней как субъект национального права. Другими словами, национальная правовая система выступает материнской правовой формой для внутреннего права национальных юридических лиц и отечественного суверенного лица. Это означает, что внутрикорпоративное право и внутригосударственное право выступают двумя разновидностями правовых субформ в пределах национального права как основной правовой формы [11, с. 130].

О. В. Тарасов в монографии красной линией проводит идею необходимости создания целостной и гармоничной правовой картины мира. Указанная картина должна обладать наивысшим теоретико-методологическим статусом и благодаря этому обеспечивать высокий уровень юридических исследований и практики.

Представляются интересными с научной точки зрения концепции О. В. Тарасова о персонативном юридическом факте; правовой презентации, репрезентации и саморе-

презентации; правовой трансперсональности; правоспособности, дееспособности и деликтоспособности; правовой персонификации и деперсонификации; правовой персонализации и деперсонализации.

Однако основным элементом рецензируемой монографии является международно-правовая персонология. Начинает эту главу О. В. Тарасов утверждением, что носителем правосубъектности может выступать лишь социальный актор – человек или человеческий коллектив, а не объекты живой или неживой природы; сказочные или мифические герои, божества и т. п.; субъект права обязательно должен иметь внешнюю форму своего проявления как физическое, юридическое или суверенное правовое лицо; им выдвигается гипотеза, что человек является первичным и обязательным субъектом любой правовой системы; запрещается лишать человека правосубъектности [11, с. 172].

Также автор монографии акцентирует внимание на то, что в каждой правовой системе (национального права и международного права) существуют две правовые сферы: публично-правовая и частноправовая. В связи с этим возникает необходимость конкретизации персонативной правовой формы, то есть физические, юридические и суверенные правовые лица реально функционируют в пределах определенного правопорядка либо в публично-правовой либо частноправовой сфере. При этом автор категорично заявляет, что «межсистемных» и «межсферных» правоотношений установлено быть не может [11, с. 174].

В своей книге О. В. Тарасов дает дефиницию понятия «субъект международного права»: «Субъект международного права – это социальный актор, который обладает качеством международно-правовой личности, выступающей в форме международно-правового лица, имеет международно-правовой статус и является стороной международных правоотношений» [11, с. 177]. Автор также констатирует, что критерий международного правотворчества не может применяться как общий критерий для идентификации международно-правового лица, то есть субъекта международного права.

О. В. Тарасов на основе правового критерия классифицирует субъекты международного права на оригинальные и комплементарные (факультативные). К первой группе относятся такие, которые первично возникают в рамках международно-правовой системы. Для этой группы субъектов осуществление международно-правовой деятельности является основной функцией. Ко второй категории относятся субъекты, которые первично появляются в пределах определенной национально-правовой системы, получают там персонативную форму национально-правового лица, прежде всего подпадают под действие норм национального права. Лишь при условии, что национально-правовая система допускает выход подобных национально-правовых лиц на международно-правовой уровень, появляется возможность установления с ними международно-правовой коммуникации [11, с. 179].

В главе 3 «Международно-правовая антропология» О. В. Тарасов абсолютно резонно утверждает, что поворотным моментом в развитии человеческой цивилизации стало принятие 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека. Он цитирует ст. 6 этого документа: «Каждый человек, где бы он не находился, имеет право на признание его правосубъектности». Также автор совершенно верно пишет о том, что ему не известен ни один субъект международного права, который бы выражал сомнение в отношении обычно-правового характера указанного положения. Далее О. В. Тарасов приходит к выводу, что норма, зафиксированная в ст. 6 Всеобщей декларации прав человека, относится не только к национальному праву, а и к международному праву и в будущем может быть отнесена к новым правовым системам. Он императивно заявляет: «Человек всегда, везде и при любых обстоятельствах остается субъектом права! В этом и состоит одно из наибольших заданий Всеобщей декларации прав человека» [11, с. 197].

Данный вывод автор подтверждает положениями Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социаль-

ных и культурных правах, практикой Международного Суда ООН и Европейского суда по правам человека, а также процедурой и результатами деятельности административных трибуналов по вопросам международного трудового права (Административного трибунала Организации Объединенных Наций, Административного трибунала Международной организации труда).

Глава 4 монографии посвящена международно-правовой кратологии. В ней О. В. Тарасов формулирует конструктивную идею о том, что размежевание социального актора и субъекта права является фундаментальным методологическим основанием правовой персонологии в целом и международно-правовой кратологии в частности. Это не означает, что юрист-международник не должен интересоваться социальными акторами как носителями правосубъектности. Это означает, что юрист не должен смешивать социологию и иные неправовые науки с правоведением, в том числе при проведении международно-правовых исследований [11, с. 219]. Вообще следует подчеркнуть, что О. В. Тарасов и в рецензируемой книге, и в журнальных публикациях, и в докладах на научных конференциях выступает принципиальным пуристом юриспруденции. Конечно, это идеал, который достичь невозможно, но стремиться к этому надо для обеспечения чистоты правовых исследований и повышения их эффективности.

В своем исследовании автор не мог обойти вниманием проблему признания в международном праве. О. В. Тарасов отмечает, что международно-правовое признание – это исключительно односторонний акт государства, которое тем самым желает официально выразить свое позитивное отношение к юридическому персонативному факту появления нового государства или иного социального актора как суверенного международно-правового лица. Акт признания влечет за собой важные юридические последствия, но никак не установление нового суверенного лица и не определяет правомерность его провозглашения в соответствии с нормами международного права. С таким выводом следует согласиться. Необходимо отметить также правоту О. В. Тарасова, когда он утверждает, что пока отсутствует адекватная доктрина международной правосубъектности, воспринятая международно-правовой практикой, персонативные проблемы будут часто решаться силовыми методами [11, с. 246–247].

Рассматривая проблему правопреемства и континуитета в международном праве, автор монографии правильно указывает, что самоидентификация государства как правопреемника или континуатора служит отправной точкой для последующего урегулирования юридических вопросов. Международное сообщество может соглашаться или не соглашаться с подобной самоидентификацией, однако оно не может ее игнорировать. Желательно, чтобы между самоидентификацией субъекта международного права и его идентификацией в таком статусе со стороны международного сообщества существовала взаимная согласованность [11, с. 278–279]. Следует указать на правильный подход О. В. Тарасова в отношении международно-правовой ответственности при реализации института правопреемства: ответственность за совершенные международные правонарушения не переходит на государство-преемника. Это уникальная и непередаваемая личностная юридическая черта субъекта международного права, которая сохраняется только в случае континуитета, то есть непрерывного существования международно-правовой личности.

В главе 5 монографии О. В. Тарасов изучает проблему международно-правовой корпоратологии. В этой части работы автор рассматривает вопросы создания и функционирования международных объединений разного характера. При этом он в очередной раз подчеркивает, что критерии правосубъектности необходимо искать в праве, а не в социологии. Так, если мы имеем дело с международным (публичным) юридическим лицом, то это не потому, что оно является международной межправительственной организацией, международной неправительственной организацией, международным судебным органом или иным коллективным образованием, а потому что социальный актор явля-

ется носителем персонативной международно-правовой формы, владельцем международно-правового статуса, участником международных правоотношений [11, с. 301–302].

На основе правовой системологии и морфологии О. В. Тарасов дает интересную и оригинальную трактовку права Европейского союза (далее – ЕС). Он ее идентифицирует как локальную подсистему (субформу) в рамках материнской международно-правовой системы (формы). При этом персонативная правовая форма международного юридического лица ЕС ограничивает сферу действия внутреннего права ЕС. Внутрисоюзные нормы, лица и отношения, по его мнению, не могут выйти за рамки этого юридического лица [11, с. 307].

Что же касается международных неправительственных организаций, то они в монографии идентифицируются как комплементарные (дополнительные, факультативные) субъекты международного права, которые функционируют в пределах международного правопорядка в соответствии со своими уставными функциями в качестве оригинальных субъектов национального права, имеющие персонативную правовую форму национального юридического лица [11, с. 323]. При этом в книге отмечается, что в современном международном праве отсутствует адекватная персонативная форма для ТНК. Однако через свои структурные единицы в форме национального юридического лица, которые имеют комплементарную (дополнительную, факультативную) международную правосубъектность, ТНК могут выходить на международно-правовой уровень и таким образом защищать свои права.

Представляется нужным отметить, что выводы в монографии насчитывают 88 пунктов, а источниковая база – 1968 наименований на украинском, русском, английском, испанском, итальянском, немецком, польском и французском языках. Впечатляющие показатели! Кроме того, следует подчеркнуть, что, несмотря на весьма сложную проблематику монографии, она написана доступным, ясным и грамотным языком; в ней можно встретить минимум редакционных и лингвистических погрешностей.

Отмечая несомненные позитивные стороны рецензируемого издания, хотелось бы остановиться также и на тех моментах, которые вызывают сомнения или могут быть предметом дискуссии.

О. В. Тарасов в предисловии, как и в тексте монографии, утверждает, что, благодаря персонологической методологии, ему удалось создать модель общеправовой картины мира, которая имеет основополагающее значение для понимания самой правовой реальности. Другими словами, харьковский ученый-юрист создал правовой *perpetuum mobile*. При этом автор совершенно верно указывает на то, что, если провести аналогию с научной картиной мира в физике, то абсолютно ясным становится то обстоятельство, что невозможно в принципе в физическом мире создать вечный двигатель [11, с. 13, 138]. И то, что невозможно в физике, к сожалению (или к счастью), невозможно и в метафизике, то есть в праве. Смеем предполагать, что и сам человек, и его высшие творения, в том числе право и государство, вряд ли возникли материально-эволюционным путем, а наверняка появились при помощи Высших сил. О. В. Тарасов в своей книге не признает этого, вместе с тем в ней отсутствует указание и на первооснову человеческой личности и цивилизации, какова их природа, каково их происхождение. Много внимания в монографии уделяется методологии, что, с одной стороны, это хорошо, а с другой – базис методологии автора обладает пороком: человек главный субъект в этом мире, и он создает право, государство и т. д. Гомоцентризм – явная методологическая ошибка в правоведении. Создать материальным арсеналом средств полную правовую (историческую, социологическую, экономическую и т. д.) картину мира невозможно, потому что такие понятия, как «человек», «народ», «право», «государство», являются метафизическими. Поэтому тщетны попытки юристов (как и представителей других научных направлений) дать им всеобъемлющую дефиницию. По нашему мнению, необходимо признать правоту А. Тойнби, который утверждал, что высшие религиозные вещи (метафизические)

не могут быть познаны лишь в границах нашего мира, а историческая наука переходит в теологию [1]. И соединение знаний юридических, социологических, экономических, исторических и теологических – плодотворное направление развития научной мысли. Только на этом пути можно расширить наше представление о правовой картине мира.

Исследуя эволюцию понятия «субъект международного права», О. В. Тарасов соглашается с О. В. Буткевич, что данный институт зародился в догосударственный период развития человечества. При этом в книге нельзя найти ответ на вопрос о том, какой же правовой статус был у вождей и протодержав. Также в монографии не нашло отражение развитие права, государства и юридической мысли в Вавилоне и Древней Индии, хотя это весьма интересный исторический и правовой этап в эволюции человеческой цивилизации.

В своем исследовании О. В. Тарасов проводит красной нитью идею о том, что существуют только внутрисистемные связи и отношения: либо международно-правовые, либо национально-правовые. Он пишет: «Межсистемных отношений реально существовать не может. Иначе следовало бы предположить, что одна половина общественных отношений с соответствующим участником регулируется нормой одной правовой системы, а другая – нормой, которая относится к иной правовой системе. Поэтому идея «международно-внутренних» правоотношений, которые конструируются некоторыми специалистами в сфере международного экономического права, должна быть отклонена как такая, что не отвечает современному уровню правовых системологических, персоналогических, нормологических и коммуникатологических знаний» [11, с. 140]. Нам представляется, что как в окружающем нас физическом мире нет чистого кислорода или чистого золота, так и в правовом мире нет чистых вертикальных связей, диагональный компонент таких связей присутствует. Достаточно вспомнить правовой статус Национального центрального бюро Интерпола. На этот орган одновременно распространяются и нормы международного права (Устав Организации уголовной полиции [12]), и нормы внутригосударственного права Украины [13]. Также можно привести пример с действием норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Конституции Украины в отношении физического лица. Статья 34 Конвенции 1950 г. провозглашает: «Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права» [14]. Норма Конституции Украины, зафиксированная в ч. 3 ст. 55, гласит: «Каждый имеет право после использования всех национальных средств правовой защиты обращаться за защитой своих прав и свобод в соответствующие международные судебные учреждения или в соответствующие органы международных организаций, членом или участником которых является Украина» [15]. Как видно, обе нормы и международного права, и внутригосударственного права одновременно, то есть межсистемно (диагонально), определяют правовые возможности физического лица по обращению в международный судебный орган. Это персоналогический аспект отмеченной проблемы.

Что касается нормологического направления, то можно сослаться на общие принципы права. Данные нормы носят императивный характер и применяются как в системе национального права, так и в системе международного права. Эти принципы отражают те общие правовые начала, которые характерны для разных национальных систем права и международного права. Большинство общих принципов права уходят корнями в римское право. Например, «равный над равным права не имеет» (*par in parem non habet imperium*), «согласие творит право» (*consensus facit jus*), «никто не может передать больше прав, чем сам имеет» (*nemo plus juris transferre potest quam ipse habet*), «никто не может быть судьей в собственном деле» (*nemo iudex in causa sua*), «из правонарушения

права не возникает» (*ex injuria jus non oritur*) и т. д. [16, с. 8–9]. Отсюда следует, что существуют юридические нормы, которые одновременно функционируют как в рамках национальных правовых систем, так и в пределах системы международного права.

По вопросу взаимосвязи международного публичного права и международного частного права нельзя не согласиться с А. А. Мережкой, который отмечает, что граница между частным и публичным правом, а также между материальным и процессуальным правом не является достаточно четкой. Кроме того, такие вопросы, как гражданство и правовой статус иностранцев, которые в некоторых государствах относят к предмету регулирования международного частного права, являются частью публичного права. Автор приходит к заключению, что в практическом аспекте международное частное право тесно связано как с частным правом, так и с публичным правом [17, с. 189].

Вряд ли можно считать корректным понятие, используемое автором в монографии, «право наций на самоопределение» [11, с. 200]. В Уставе ООН и в документах этой организации используется термин «право народов на самоопределение» [18], который является корректным как с доктринальной, так и нормативной точек зрения. Отмечая склонность О. В. Тарасова к абсолютной чистоте юридического понятийно-категориального аппарата, нельзя признать удачным использование термина «правовое поле» [11, с. 249], который явно отдает журналистикой с аграрной примесью. Продолжая этот логический ряд, следует отметить, что также вызывает сомнение понятие «международно-правовая корпоратология» [11, с. 282]. По нашему мнению, было бы более адекватно использовать термин «международно-правовая институциология», поскольку в доктрине международного права широко используется термин «международная институция» как синоним понятия «международная организация». А понятие «корпорация»¹ и производные от него термины вызывают ассоциацию с юридическим лицом, осуществляющим деятельность с целью получения прибыли, что явно диссонирует с правовым статусом международных межправительственных и международных неправительственных организаций.

О. В. Тарасов считает, что в отношении членства Российской Федерации (далее – РФ) в ООН и в статусе этого государства как постоянного члена Совета Безопасности ООН на основе правопреемства «все было сделано красиво и юридически грамотно» [11, с. 267]. А. А. Мережка сомневается в верности такого вывода: «В международной практике членство РФ в ООН как постоянного члена воспринимается, как что-то целиком естественное, хотя по правде, с точки зрения международного права, этот статус РФ вызывает большие сомнения. Можно сказать по-другому: с точки зрения международного права членство России в ООН не имеет никаких правовых оснований и является очевидным нарушением Устава ООН» [20, с. 932]. Совершенно верно А. А. Мережка подчеркивает, что Устав ООН не содержит положения о возможности членства на основе правопреемства; а в Совете Безопасности ООН РФ заняла место СССР без всяких юридических оснований, используя искусственную политическую концепцию «государство-продолжатель» [20, с. 932–933]. По мнению А. А. Мережки, предоставление членства РФ в Совете Безопасности ООН было скорее политическим, а не юридическим актом. Этой же точки зрения придерживаются и немецкие юристы-международники [21, с. 379].

Кроме того, на сегодняшний день существует прецедент, когда Союзная Республика Югославия (далее – СРЮ) в 1992 г. захотела подобным же образом сохранить членство в ООН и ее органах как преемник Социалистической Федеративной Республики Югославия (далее – СФРЮ). Однако СРЮ было правомерно в этом отказано, и это госу-

¹ Корпорация (англ. *corporation*, от лат. *corporatio* – объединение) – широко распространенная на Западе форма организации предпринимательской деятельности. Предусматривает долевую собственность, юридический статус, сосредоточение функций управления в руках менеджеров и др. Могут быть как государственными, так и частными [19].

дарство по-новому прошло процедуру получения членства в ООН, которое завершилось для СРЮ 1 ноября 2000 г. [22].

В контексте проблемы правопреемства государств в международном праве вряд ли можно назвать оправданным использование в монографии термина «генеральный правопреемник» [11, с. 268], поскольку данный термин отсутствует в текстах Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении международных договоров 1978 г. и Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г. Указанный термин – весьма редкое явление также на страницах юридической научной литературы.

Возвращаясь к названию рецензии и центральной идее монографии, ее автор утверждает: «Человек всегда присутствует в любой персонативной, нормативной или коммуникативной правовой ситуации, даже если формально это замалчивается» [11, с. 216]. В п. 29 выводов О. В. Тарасов сформулировал гипотезу в форме правовой аксиомы: «Человек является обязательным и первичным субъектом любой правовой системы» [11, с. 356], в том числе и международно-правовой. Он рассматривает человека в международном праве как основу и неотъемлемый элемент персонативной международно-правовой реальности. При этом человек выступает не с ограниченной неизвестно кем и производной непонятно от кого международной правосубъектностью, а как полноправный, полномасштабный в своем международно-правовом статусе субъект международного права [11, с. 217]. Нет у нас сомнений, что физическое лицо является субъектом международного права, та как в рамках определенных международных отношений он имеет права и несет обязанности, установленные международно-правовыми нормами. Однако тезис о том, что человек – «полноправный» и «полномасштабный» субъект международного права, вызывает сомнения, поскольку в соответствии с нормами современного международного права физические лица не могут принимать участие в международном правотворчестве – основной форме деятельности полноправных и полномасштабных субъектов международного права.

Автор монографии часто апеллирует к принципу верховенства права, при этом не указывается, какова природа и первооснова верховенства именно права, а не закона. Также О. В. Тарасов не дает ответ на вопрос об императивности правовой нормы – какова природа и первооснова этой императивности. В то же время в книге неоднократно постулируется, что автор создал всеохватывающую правовую картину мира (п. 40 выводов) [11, с. 357] на основе новых научных методов. Ответы же на поставленные вопросы являются фундаментальным элементом полной правовой картины мира.

Необходимо отметить, что почти все страницы этой солидной книги пропитаны духом сциентизма. Вместе с тем сциентизм получил наибольшее распространение в конце 19 – начале 20 в. В настоящее время слышится все больше критики сциентизма и его приверженцев. По этому поводу И. Л. Честнов пишет: «В конце XX века коренным образом изменилось отношение к научному знанию. Сциентизм – безудержная вера в неограниченность научных знаний и убежденность в их всемогуществе – сменился гораздо более скептическим отношением к науке, доходящим у некоторых философов (например, у П. Фейерабенда) до отрицания ее превосходства в интеллектуальном и социальном смысле над иными формами знаний – религией, магией и т. п. Работы К. Поппера, М. Полани, Ф. Капры, И. Пригожина, В. В. Налимова, того же П. Фейерабенда развенчали претензии науки дать ответы на все вопросы, решить все проблемы и построить (в соответствии с научно обоснованным планом) рай на Земле» [23, с. 93]. Также нельзя не согласиться с И. Л. Честновым, что доказать обособленность, замкнутость правовой системы принципиально невозможно, а значит, она и не является самодостаточной «фундаменталистской» системой. Однако нельзя и отрицать ее относительную самостоятельность [23, с. 75].

В заключение следует отметить исключительную работоспособность О. В. Тарасова, его целеустремленность на постижение научной истины, доступный и логичный

язык, высокий уровень редактуры (в монографии весьма трудно найти редакционные и технические погрешности). Вышесказанное говорит о том, что книга харьковского юриста-международника займет достойное место в библиотеке современной юридической литературы и будет служить хорошим примером для молодых ученых-правоведов в деле получения новых научных знаний.

Список использованных источников:

1. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад А. Дж. Тойнби [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://coollib.net/b/243293/read#t1>.
2. Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics / R. Müllerson // Chinese Journal of International Law (2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://il-msu.ru/images/Pdf/chinese%20journal%20of%20international%20law-2014-mllerson-chinesejil_jmu011.pdf.
3. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%20%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8F/~%D0%9A%D1%80/3>.
4. Акуленко В. І. Міжнародне право охорони культурних цінностей та його імплементація у внутрішньому праві України / В. І. Акуленко. – К. : Юстініан, 2013. – 607 с.
5. Буткевич О. В. У истоков международного права / О. В. Буткевич. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 881 с.
6. Мельник А. Я. Правонаступництво України щодо міжнародних договорів СРСР / А. Я. Мельник. – К. : Юридична думка, 2005. – 424 с.
7. Мельник С. А. Односторонние акты государств в современном международном праве / С. А. Мельник. – О. : Феникс, 2011. – 336 с.
8. Мережко А. А. Психологическая теория международного права / А. А. Мережко. – О. : Феникс, 2012. – 244 с.
9. Отрош М. І. Статус Святого Престола у міжнародному праві / М. І. Отрош. – О. : Феникс, 2014. – 242 с.
10. Щокін Ю. В. Міжнародно-правовий звичай: проблеми теорії і практики / Ю. В. Щокін. – Х. : Право, 2012. – 454 с.
11. Тарасов О. В. Суб'єкт міжнародного права: проблеми сучасної теорії / О. В. Тарасов. – Х. : Право, 2014. – 512 с.
12. Устав Интерпола [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.interpol.int/About-INTERPOL/Legal-materials/The-Constitution>.
13. Про Національне центральне бюро Интерполу : Постанова Кабінету Міністрів України від 25 березня 1993 р. № 220 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/220-93-%D0%BF>.
14. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf.
15. Конституція України [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
16. Тимченко Л. Д. Международное право : [учебник] / Л. Д. Тимченко. – изд. 3-е, стереотип. – Х. : Консум, 2004. – 528 с.
17. Мережко О. О. Проблеми теорії міжнародного публічного та приватного права / О. О. Мережко. – К. : Юстініан, 2010. – 320 с.
18. Устав ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org>.
19. Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://abc.informbureau.com/html/eidiidaoess.html>.

20. Мережко О. О. Відсутність правових підстав для членства Російської Федерації в ООН / О. О. Мережко // Українська Революція гідності, агресія РФ і міжнародне право / упор. О. В. Задорожній. – К. : К.І.С., 2014. – С. 932–937.

21. Международное право = Volkerrecht / В. Г. Витцум ; пер. с нем., науч. ред. и сост. указ. Т. В. Яковлева. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 992 с.

22. К вопросу о восстановлении членства СРЮ в ООН (Справочная информация) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e4325699c003c10f7!OpenDocument>.

23. Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки в XXI веке / И. Л. Честнов // Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / под ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – С. 69–110.

